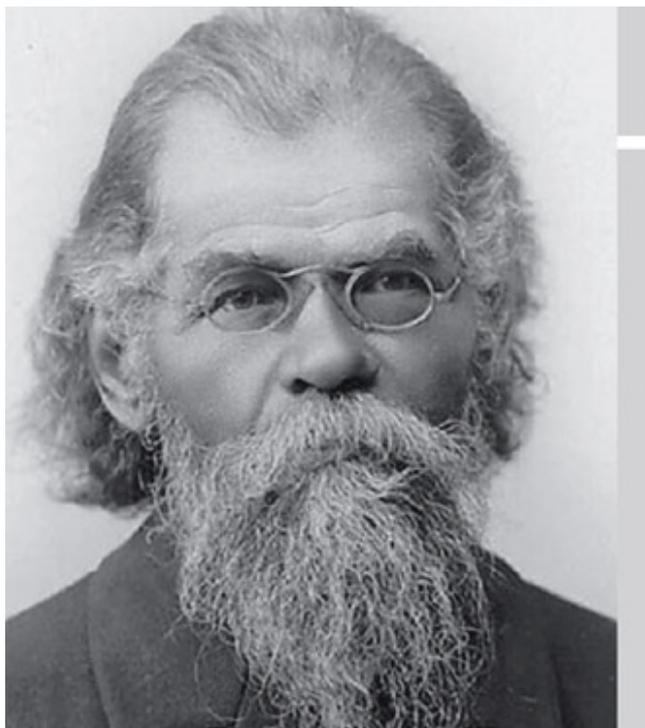

Д. А. Ананьев¹

Сибирское областничество (1860-е гг. – начало XX в.) в оценках англоязычной и немецкоязычной историографии

В статье рассмотрены основные работы зарубежных исследователей сибирского областничества (представителей американской, канадской и немецкой историографии), оценивается их вклад в изучение темы. Установлено, что в работах англо- и немецкоязычных исследователей (С. Уотруса, В. Фауста, Г. Хэнсона, Д. фон Мореншильда, Н. Перейры, С. Штуха, Д. Рэйнбоу), в значительной мере усвоивших достижения отечественной историографии, а в последние десятилетия – активно работавших в российских архивах, рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с историей сибирского областничества. Для зарубежных историков характерно представление о выдающейся роли, которую играло сибирское областничество в культурной и общественно-политической жизни региона. Признавая, что не все из поставленных областниками целей были достигнуты, западные исследователи все же убеждены, что изменения, происходившие в Сибири на рубеже XIX–XX вв. и способствовавшие ее вступлению на путь современного развития, были во многом заслугой и результатом деятельности «сибирских патриотов».

Ключевые слова: сибирское областничество, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, регионализм, региональное сознание, региональная идентичность

Г. Н. Потанин

Н. М. Ядринцев

Заметным явлением в истории Сибири второй половины XIX – начала XX вв. стало «сибирское областничество» – общественно-политическое и культурное движение, сторонники которого добивались для своего родного края прав, свобод и возможностей, которыми пользовалось население Европейской России и, вместе с тем, отстаивали идею более самостоятельного, автономного развития Сибири, с учетом ее географических, социально-экономических и культурных особенностей.

---

¹ **Ананьев Денис Анатольевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН. E-mail: denis.ananyev@gmail.com

С деятельностью областников неразрывно связана история сибирской науки и образования, становления периодической печати, формирования элементов гражданского общества и деятельности партийных организаций и политических группировок в Сибири в дореволюционный период². Значительный интерес для историков-сибиреведов представляют взгляды областников на правительственную политику в отношении региона, характер эксплуатации природных ресурсов, проблемы русско-аборигенных отношений, роль торговли и ссылки в жизни региона. На теоретическом уровне исследование данной темы предполагает анализ и уточнение содержания таких понятий как «регионализм», «региональное сознание», «региональная идентичность» и др.

Изучение истории сибирского областничества началось еще в дореволюционный период, благодаря усилиям самих представителей данного общественного течения (Г. Н. Потанина, К. В. Дубровского, А. В. Адрианова, Н. Н. Козьмина и др.). Наряду с историками-эмигрантами, советскими и российскими исследователями, определенный вклад в разработку проблем, связанных с областничеством, внесли западные специалисты – в первую очередь, представители американской, канадской и немецкой историографии. Цель данной статьи – рассмотреть основные работы зарубежных исследователей сибирского областничества, оценить их вклад в изучение данной темы.

В США одним из первых к изучению проблем «сибирского регионализма» обратился С. Д. Уотрус, защитивший в 1970 г. в Университете Вашингтона диссертацию на тему «Российская «страна будущего»: регионализм и пробуждение Сибири, 1819–1894»³. Американский историк предпринял исследование, посвященное истории формирования регионального сознания в Сибири в течение XIX в.: начиная с 1819 г., когда в Сибирь в качестве генерал-губернатора прибыл М. М. Сперанский, и до смерти лидера сибирских областников Н. М. Ядринцева в 1894 г. (что, по замечанию автора, примерно совпало по времени со строительством Транссибирской магистрали и началом массового притока переселенцев в Сибирь).

По признанию С. Уотруса, приступая к работе, он руководствовался давним призывом Ф. Дж. Тернера сравнить методы заселения американского «фронта» с теми методами колонизации, что использовались в России, Германии и британских колониях в Канаде, Австралии и Африке. Однако, по мнению исследователя, такое сравнение необходимо предварить более глубоким изучением местных особенностей и, если речь идет о Сибири, выяснить, как в регионе возник «мыслящий элемент», способный к самоанализу и сравнению сибирского исторического опыта с американским. Убедившись, что сибирские интеллектуалы XIX – начала XX вв. (и в их числе – областники) не только хорошо осознавали известное сходство процессов экспансии и колонизации Северной Азии и Северной Америки, но и прямо называли Сибирь «российской колонией», С. Уотрус пришел к выводу, что деятельность сибирских областников и идея «сибирского регионального сознания» более, чем любой другой фактор, способствовали «пробуждению» сибирского общества и восприятия им ценностей и взглядов эпохи «модерна»⁴.

Впервые в англоязычной историографии С. Уотрус достаточно подробно представил биографии ведущих представителей движения – Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина. Значительная часть материала, использованного в диссертации, почерпнута автором в биографических трудах Н. А. Абрамова, Н. А. Аристова, И. А. Якушева, Н. Н. Козьмина, М. К. Лемке, В. А. Обручева, И. И. Попова, А. Н. Пыпина и др. Не имея возможности оз-

² Шоловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 4.

³ Watrous S. D. Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819–1894: PhD. thesis. University of Washington. – Seattle, 1970; Watrous S. D. Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture / ed. by G. Dimant, Y. Slezkine. New York, 1993. P. 113–132.

⁴ Watrous S. D. Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819–1894: PhD. thesis. University of Washington. Seattle, 1970. P. IV–IX

накомиться с публикациями областников в сибирской периодике, историк ограничился использованием тех работ, которые увидели свет на страницах столичных изданий.

Исследование разделено на три основных части. В первой дается обзор истории развития сибирского общества до начала 1860-х гг., анализируется влияние «прогрессивных администраторов», политических ссыльных, местной интеллектуальной элиты на сибирское общество в целом; развитие федералистской мысли в России до появления сибирского областнического движения. Во второй части излагается история возникновения и развития движения в царствование Александра II, в биографическом и хронологическом ракурсах. Третья часть посвящена 1880-м – первой половине 1890-х гг., когда областническое движение достигло своего пика; основной акцент делается на рассмотрении деятельности Н. М. Ядринцева.

Называя реформу 1822 г. отправной точкой в «современной» истории региона, исследователь полагает, что именно общественная инициатива и административные реформы М. М. Сперанского заставили Сибирь двигаться в сторону более «прогрессивных» институтов и «продвинутых западных идей» и мыслящего общества, которое занимали вопросы идентичности региона и более подходящего для него места в мире. Следующий этап – 1830-е гг., отмечен пробуждением «местного патриотизма», что нашло воплощение, в частности, в деятельности П. А. Словцова («первого сибирского историка», по определению С. Уотруса). В числе тех, кто оказал влияние на сибирских областников, американский исследователь (вслед за С. Г. Сватиковым⁵) упоминает ссыльных поляков – например, В. Журавского, открыто призывавшего к отделению Сибири от России.

В диссертации С. Уотрус использует термин «сибирский регионализм» и подчеркивает, что в течение большей части XIX в. термин «областничество» не использовался ни жителями Европейской России, ни сибиряками; как не использовался в Сибири и термин «областность», предложенный в свое время А. П. Щаповым для характеристики общественно-политического устройства русских земель до складывания централизованного государства⁶. До начала 1890-х гг. общеупотребительными являлись понятия «сибирский патриотизм» или «местный патриотизм», и только в 1890-х гг. Н. М. Ядринцев начал использовать термины «областной» и «областник».

Определяя понятие «регионализм» как «осознание и приверженность конкретной субнациональной или сверхнациональной территории, которая обычно характеризуется общей культурой, историей или интересами», С. Уотрус приходит к выводу, что для «сибирского регионализма» был характерен «субнациональный» аспект. Сибиряки не рассматривали себя ни как отдельную национальность (в этническом и языковом аспектах), ни тем более как самостоятельную нацию (в культурном или политическом отношении), а лишь считали себя региональной разновидностью великороссов, со своими территориальными, социальными и историческими отличиями (как писал Г. Н. Потанин, в основе «сибирской идеи» лежит исключительно территориальный принцип). Соответственно, «сибирский регионализм» нельзя считать разновидностью «национализма», хотя оба явления объединяло стремление пробудить в людях чувство общей идентичности и подтолкнуть к осознанию своего места и судьбы в истории и мире.

В общем и целом, областники считали себя патриотами, отражая основной мотив своей деятельности – любовь к краю. Впрочем, С. Уотрус подчеркивает, что сибирское областничество всегда было чем-то большим, нежели просто местным патриотизмом или партикуляризмом. Историк характеризует данное движение как «вестернизирующий феномен», поскольку его представители рассчитывали на прогрессивное культурное и институциональное влияние Европы на Сибирь. Многие областники придавали особое значение тем характеристикам Сибири, которые, по их мнению, делали ее похожей на Северную

⁵ Сватиков Г. С. Россия и Сибирь. (К истории сибирского областничества в XIX в.). Прага, 1929. С.97.

⁶ Watrous S. D. Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture / ed. by G. Dimant, Y. Slezkine. New York, 1993. P. 117.

Америку с точки зрения экспансии и колонизации. Более того, иногда проводились аналогии между Сибирью и Британской Колумбией, Австралией, тринадцатью британскими колониями в XVII–XVIII вв. Вместе с тем, С. Уотрус указывает и на определенную близость «сибирских патриотов» к народникам⁷.

С. Уотрус перечисляет основные факторы, способствовавшие возникновению и развитию «сибирского регионализма», в их числе: крайняя удаленность Сибири от столиц и обусловленное этим всевластие местных администраторов; наличие относительно свободных земель для колонизации; довольно многочисленное аборигенное население; большая доля ссыльных; эксплуатация природных ресурсов в пользу «метрополии»; отсутствие крепостного права и поместного дворянства; относительно прочное положение купечества; довольно зажиточное, индивидуалистически и «демократически» настроенное крестьянство (в этой связи областниками обсуждался вопрос о «сибиряке» как «региональном типе» великоросса); отсутствие некоторых культурных традиций, характерных для населения Европейской России. Немаловажным фактором историк считает само наличие привычного географического названия региона – «Сибирь», не только выделявшего его в составе России, но и в известном смысле отделявшего от нее. Показательно, что на рубеже XIX–XX вв. власти предписывали использовать термин «Азиатская Россия», понимая, что официальное употребление топонима «Сибирь» косвенно способствует автономистским и даже сепаратистским настроениям за Уралом.

Формулируя свою миссию и собственное видение будущего развития Сибири, областники пытались вызвать в сибирском обществе чувство патриотического и гражданского долга, понимание своих главных интересов, побудить сибиряков к социальному действию. Для того чтобы сбросить с Сибири «кандалы» «колониального» статуса областниками предлагались различные альтернативы. Наиболее радикальное, экстремальное решение заключалось в полном политическом отделении от России, отчасти по образцу североамериканских колоний, хотя историк отмечает, что сепаратистские устремления были характерны для областничества лишь на начальном этапе его существования. Вторая альтернатива (тоже вполне радикальная, особенно в российском контексте) заключалась в установлении автономного (или доминионного) статуса для Сибири в составе Российской империи или, что предпочтительнее, в составе федерации штатов.

В связи с этим С. Уотрус обращает внимание на эволюцию взглядов Г. Н. Потанина на содержание термина «сепаратизм». В середине 1860-х гг. лидер областников разделял понятия «местный патриотизм» и «сепаратизм» – последний был лишь радикальным проявлением первого. В середине XIX в. Г. Н. Потанин связывал с «сепаратизмом» все те негативные явления (ссылку, эксплуатацию природных ресурсов, отсутствие университета и земств, устаревшую судебную систему), которые «отделяли» Сибирь от России вследствие пренебрежительного отношения к региону со стороны правительства. В период Первой русской революции 1905–1907 гг. «сепаратизм» трактовался им лишь как синоним понятия «отдельность», как известная степень автономного культурного, экономического и политического развития, хотя такой «сепаратизм» (как элемент областнического движения) следовало отличать от радикального политического сепаратизма.

С. Уотрус приходит к выводу, что после смерти Н. М. Ядринцева в 1894 г. областничество по форме и содержанию уже не было доминирующим интеллектуальным течением среди местной интеллигенции. Тому способствовали многие факторы – строительство

⁷ С. Уотрус полагает, что в отличие от народников областники не могли уповать на некий традиционный сибирский институт (аналог крестьянской общины, «мира» в Европейской России), чтобы связать с ним надежды на возрождение региона. Вместе с тем, по замечанию М. В. Шиловского, в середине 1870-х гг. Г. Н. Потанин, развивая идеи П. Ж. Прудона, пытался связать понятие «область» с генезисом общины, которая будет развиваться вширь, захватывать все новые территории и добьется автономного статуса. Образцом такой общины Г. Н. Потанин считал Уральское казачье войско. С. Уотрус также признает, что Потанин ближе всех к сибирякам ставил казаков Урала, которых объединяла с великороссами общность языка и веры, а разделяли – исторические традиции, особенности хозяйственного уклада и социальной структуры.

Транссиба; приток крестьян-переселенцев и формирование рабочего класса в городах вдоль железной дороги; появление многочисленных ссыльных марксистов, которые принесли с собой первую из идеологических альтернатив областничеству. К тому времени, когда под влиянием этих новых процессов началась трансформация Сибири в экономическом, демографическом и политическом отношениях, сибирское общество уже «пробудилось». К 1900 г. влияние современных идей и институтов, изначально породивших областническое движение, изменило общественную и городскую жизнь Сибири в значительно большей степени, чем это поначалу ожидали лидеры областничества.

В итоге американский историк приходит к выводу, что рассматриваемое течение общественной мысли вызвало надежды на будущее Сибири, которые затем не нашли подтверждения ни в настоящем, ни в будущем. Однако С. Уотрус призывает не воспринимать областников ни как пророков, чьи пророчества не сбылись, ни как утопистов, но лишь как людей, любивших свой край (и страну) и делавших все возможное, чтобы служить его текущим нуждам, а также способствовать улучшению его внешнего облика и развитию его потенциала.

В 1970-х гг. к изучению начального этапа истории областничества обратились американские историки Г. Хэнсон и Д. фон Мореншильдт⁸, по-разному оценивавшие характер взаимоотношений членов сибирского землячества с А. П. Щаповым и революционными народниками. Так, если Г. Хэнсон согласился с гипотезой советского исследователя С. Ф. Коваля о том, что в 1863-1865 гг. сибирские кружки поддерживали тесные контакты с народниками (равно как с ссыльными поляками) и разделяли многие их лозунги, то Д. фон Мореншильдт считал, что действительный характер взаимоотношений между областниками и революционными кружками до сих пор не прояснен.

По мнению Д. фон Мореншильдта, необходимо также более тщательно изучить биографию А. П. Щапова, особенно последний период его жизни; более основательно проанализировать эволюцию его общественно-политических взглядов. Вслед за Н. М. Ядринцевым, американский историк готов признать, что влияние А. П. Щапова на областников было первостепенным. Общими для федералистской теории А. П. Щапова и областнической концепции стали детерминистские идеи об определяющем влиянии природно-климатического фактора на формирование социума. С областниками А. П. Щапова объединял повышенный интерес к вопросам научного изучения Сибири и просвещения народных масс; к проблемам взаимоотношений русского и коренного населения, в том числе, вопросу об ассимиляции инородцев и появлении особого антропологического типа сибиряка.

Наибольший отклик среди членов сибирского землячества вызывали идеи регионализма, федерализма, местного самоуправления, которые отстаивал А. П. Щапов. Вместе с тем, американский историк подчеркивает, что, выступая против излишней централизации, нерационального использования природных богатств Сибири, указывая на необходимость решения сибирских проблем в самом регионе, А. П. Щапов никогда не выдвигал лозунг о его отделении от России. К тому же, после 1865 г. в работах А. П. Щапова политика центрального правительства за Уралом оценивалась не столь негативно.

В Германии центром изучения сибирского областничества стал Кельнский университет. В 1962 г. диссертацию, посвященную научному наследию А. П. Щапова, здесь защитил Й. Вахендорф⁹. В условиях возросшего интереса европейской общественности к про-

⁸ *Hanson G. A. Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker: PhD Thesis. University of Wisconsin, 1971; Hanson G. A. "Siberian Regionalism in the 1860s," Topic 27 (1974). P. 62–75; Mohrenschildt D., von. Shchapov: Exponent of Regionalism and the Federal School in Russian History // The Russian Review. Vol. 37, No. 4 (Oct., 1978). P. 387–404; Mohrenschildt D., von. Towards a United States of Russia: plans and projects of federal reconstruction of Russia in the nineteenth century. Rutherford; London; Toronto, 1981.*

⁹ *Wachendorf J. Regionalismus, Raskol und Volk als Hauptprobleme der Russischen Geschichte bei A.P. Schchapov. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Universität zu Köln. 1964.*

блемам регионализма другой выпускник университета и ученик Г. Штекля Вольфганг Фауст защитил в 1980 г. диссертацию под названием «“Золотое дно” России: сибирское областничество во второй половине XIX века»¹⁰. Ссылаясь на статью Д. Герхарда, опубликованную в начале 1950-х гг.¹¹, В. Фауст оспорил распространенный в западной историографии тезис о том, что основным направлением политики русских царей на протяжении многих веков было подавление местного своеобразия и нивелировка региональных особенностей. Такую интерпретацию русской истории нельзя не признать крайне односторонней, однако она объясняет, почему западные историки столь мало интересовались историческими судьбами российских окраин. Следуя призыву К. Герке, прозвучавшему в конце 1970-х гг., немецкий исследователь предпринял попытку изучить феномен «регионализма» на сибирском историческом материале¹².

По заключению В. Фауста, не только западные, но и советские историки долгое время не уделяли должного внимания теме сибирского «регионализма», что объяснялось влиянием идеологических факторов, а также стремлением увязать исторический прогресс с централизаторскими тенденциями. По мнению историков-марксистов, «областничество» второй половины XIX в. служило преградой на пути революционного движения, разворачивавшегося в масштабах всей России, и по этой причине рассматривалось как «реакционная буржуазная идеология». Несмотря на то, что в первые годы советской власти предпринимались попытки пересмотреть роль «областничества», в 1930-е гг. отношение к данному общественно-политическому течению оставалось негативным. Новый всплеск интереса к теме последовал лишь в послевоенные десятилетия.

В отличие от Д. Уотруса, не имевшего доступа к западносибирской периодике второй половины XIX в., В. Фауст использовал более широкий круг источников, в т. ч. многочисленные публикации «областников» (прежде всего Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, С. С. Шашкова) в сибирской периодической печати. Анализ отдельных проблем и идей «областников» в диссертации сопровождается обстоятельным изучением их биографий, что позволило лучше понять многие «поворотные моменты» в эволюции их воззрений. В. Фауст рассматривает историю взаимоотношений «областников» с революционными демократами и народниками, в частности, «идейные соприкосновения» с А. И. Герценом, М. А. Бакуниним, Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, Д. И. Писаревым, П. Л. Лавровым; подчеркивает связь между отдельными идеями «областничества» и учениями французских социалистов, американских, английских и немецких экономистов и историков (что почти не рассматривалось в советской историографии и в работе Д. Уотруса). Идея борьбы за просвещение, вера в силу науки объединяла «областников» не только с учениями радикалов и социалистов, но и с философией позитивизма Г. Спенсера, О. Конта, Г. Т. Бокля.

Истоки «областничества» В. Фауст вслед за М. А. Рубач (как и Д. фон Мореншильдт) усматривает в трудах А. П. Щапова и федералистских идеях Н. И. Костомарова. Анализируя взгляды «областников» на крестьянскую общину и процесс индустриализации, историк стремится показать, что данное общественно-политическое движение не умещалось в простую схему, требующую отнести его либо к народнической, либо к буржуазно-либеральной идеологии. Убедительным представляется вывод В. Фауста о том, что «областничество» нельзя строго разделить на «политическое», «экономическое» и «культурное» направления; все эти элементы сосуществовали в неразрывной связи, и в разное время любой из них мог выйти на первый план.

Немецкий историк не сомневается в сепаратистских устремлениях «областников» на раннем этапе (1860-е гг.), но видит в них скорее проявления «политической неуверенно-

¹⁰ Faust W. Russlands Goldener Boden: Der sibirische Regionalismus in der zweiten Haelfte des 19 Jahrhunderts. Koeln; Wien, 1980.

¹¹ Gerhard D. Regionalismus und staendisches Wesenalsein Grundthema europaeischer Geschichte // Historische Zeitschrift. 1952. Vol. 174. S. 307–337.

¹² Goehrke C. Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte. Vorueberlegungen fuer eine kuenftige Untersuchung // Forschungen zur osteuropaeischen Geschichte. Berlin, 1978. Bd. 25. S. 75–107.

сти и признак нетвердых политических убеждений», нежели серьезную тактику борьбы с царизмом¹³. В современной отечественной историографии данный вывод убедительно опровергает известный исследователь «областничества» М. В. Шиловский¹⁴.

В целом В. Фауст приходит к справедливому выводу о том, что без изучения истории «областничества» трудно понять историю «модернизации» и «европеизации» (по сути, «колонизации») Сибири. Историк полагает, что именно идея «сибирского патриотизма» сыграла решающую роль в культурной, политической и экономической интеграции региона в общеимперское пространство, поскольку способствовала преодолению «колониального прошлого»; впервые пробудила в сибирской общественности желание во всем сравняться с «метрополией»; создала предпосылки для действительного вступления Сибири в Новое время и заложила основы будущего мирового значения региона. Многие вопросы, поднятые в диссертации В. Фауста, получили куда более обстоятельное освещение в отечественной историографии, однако вклад немецкого историка не следует преуменьшать, поскольку его работа способствовала привлечению внимания западных исследователей к проблемам общественно-политического развития Сибири в пореформенную эпоху.

Другой выпускник Кельнского университета Стефан Штух посвятил свою диссертацию следующему по хронологии периоду истории сибирского областничества – началу XX века¹⁵. Ст. Штух использовал документы из фондов российских архивов (ЦГИА СПб., ГАТО, ГА РФ), материалы многочисленных периодических изданий («Алтайское дело» (1912–1916), «Алтай» (1911–1916), «Енисейская мысль» (1912–1915), «Жизнь Алтая» (1910–1916), «Забайкальская новь» (1907–1916), «Омский вестник» (1909–1916), «Сибирская жизнь» (1897–1917), «Сибирский листок» (1891–1917), «Сибирь» (1906–1916), «Восточное обозрение» (1888–1906), «Вестник Западной Сибири» (1910–1915)). В значительной мере немецкий исследователь опирался на работы советских и российских историков, прежде всего, М. В. Шиловского, Л. М. Горюшкина, М. Г. Сесюниной, И. М. Разгона¹⁶.

Преимущественное внимание в диссертации уделяется разработке теоретических и терминологических аспектов темы. По мнению Ст. Штуха, до сих пор исследователям не удалось четко отделить «сибирское областничество» от других общественно-политических групп в Сибири (например, кадетов или эсеров), равно как не удалось действительно поставить знак равенства (как это принято в западной науке) между «сибирским областничеством» и «регионализмом/сепаратизмом». В диссертации вместо термина «сибирское областничество» используется термин «регионализм», а понятию «областник» автор предпочитает термин «сибирофил».

¹³ *Faust W.* RusslandsGoldenerBoden: Der sibirischeRegionalismus in der zweitenHaelfte des 19 Jahrhunderts. Koeln; Wien, 1980. S.144.

¹⁴ По замечанию М. В. Шиловского, «сибирский сепаратизм» являлся синонимом дефиниции «сибирский патриотизм» и возник как самоназвание группы молодых сибиряков-разночинцев, решивших посвятить себя делу служения Сибири и в последующем получивших название областников; ... сепаратистская тенденция была приписана ранним областникам отдельными исследователями, так и не понявшими, какое содержание вносили представители движения в это понятие». См.: Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С.40.

¹⁵ В качестве научных консультантов Ст. Штуха выступили А. Каппелер и Д. Дальман. См.: *Stuch S.* Regionalismus in Sibirien im fruehen 20 Jahrhundert. Koeln, 2003; *Stuch S.* Regionalismus in Sibirien im fruehen 20 Jahrhundert. Koeln, 2003; *Stuch St.* Regionalismus in Sibirien im fruehen 20. Jahrhundert // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas, neue Folge*, Bd.51, H.4 (2003). S. 549–563.

¹⁶ *Разгон И. М.* Сибирское областничество в 1917 году. Программа и краткое содержание докладов. – Томск, 1964; *Разгон И. М., Бабикова Е. Н.* Об эволюции сибирского областничества в 1917 году // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976. С. 55–82; *Сесюнина М. Г.* К вопросу о возникновении сибирского областничества // Труды Томского государственного университета. Томск, 1965. Т. 158. С. 20–36; *Шиловский М. В.* Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х гг. XIX в. Новосибирск, 1989; *Он же.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Областники. – Новосибирск, 1995; *Горюшкин Л. М.* Областники о хозяйственной самостоятельности Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // *Известия СО АН СССР.* 1991. № 1. С. 37–44.

Развивая идеи, обусловленные «культурным» и «пространственным поворотом» в историографии, немецкий исследователь замечает, что наряду с понятием «региона» как географической единицы существует понимание региона как социальной категории и «социально-структурированного пространства». Для того чтобы понять действительное значение областнических настроений в Сибири в начале XX в., Ст. Штух стремится выяснить, в какой степени и для какой части населения Сибирский регион в рассматриваемый исторический период являлся «ментальным пространством» и «пространством деятельности».

По определению Ст. Штуха, «регион» как «ментальное пространство» является «территориально-социальной структурой», занимающей промежуточное положение между непосредственно ощущаемым жизненным пространством индивида и национально-государственным образованием. Иными словами, «регион» есть ментальный конструкт, которому соответствует вполне конкретное содержание; условная «плоскость», на которую проецируются определенные желания и представления людей, даже если они в итоге так и не будут воплощены в реальность. Таким образом, принципиальное значение имеет осознание хотя бы частью населения своей связи с территорией, на которой оно проживает.

Признание своеобразия и единства региона в сравнении с другими областями или в противопоставление с территориальным образованием, имеющим более высокий статус, Ст. Штух обозначает понятием «региональное сознание». По мнению историка, если в политическом дискурсе формулируются особые интересы региона (за которыми, в действительности, могут стоять интересы вполне конкретных групп населения), можно говорить о политическом «региональном движении». Чем лучше удастся отеснить на задний план конкурирующие "возможности идентификации" и превратить "регион" в главную "опорную точку", тем сильнее развернется региональное движение. Успех такого движения во многом будет зависеть от способности его участников освободить население от социальных или частных обязательств, равно как общегосударственных интересов, и повести за собой на основе региональных интересов.

Ст. Штух доказывает, что «региональное сознание» сформировалось в Сибири к началу XX в., и это, по словам историка, само по себе не может не вызывать удивления, если принять во внимание колоссальность географического пространства, его физическую гетерогенность, культурно-этническое многообразие населения, а также слабый уровень взаимодействия между различными социальными группами ввиду низкого уровня грамотности и недостаточно развитой сети коммуникаций. Более развитыми и устойчивыми были связи между образованными кругами сибирского общества (прежде всего, в городах), чему немало способствовала периодическая печать.

Немецкий исследователь перечисляет основные факторы, способствовавшие формированию регионального сознания. В их числе – распространение топонима «Сибирь» по мере продвижения русских на значительную часть североазиатских территорий; создание системы управления, представители которой рассматривали присоединенные территории как единое целое вплоть до XIX в.; формирование соответствующих ментальных образов Сибири (в сознании не только жителей региона, но и населения Европейской России – например, образ региона как «колонии»); сложившееся к началу XX в. представление о сибиряках как отдельном этносе с особым характером.

Менее значимым фактором исследователь считает развитие «сибирской культуры», которая в силу своей тесной зависимости от русской культуры мало способствовала осознанию регионального неравенства. Более существенным фактором являлось самосознание сибиряков, хотя оно не могло быть надежной основой для политической мобилизации всех жителей региона, поскольку относилось прежде всего к русскому населению, имевшему сибирские корни.

Немецкий историк убежден, что наиболее важной детерминантой регионального сознания к началу XX в. было «дискриминационное сознание», проявившееся в образе Сибири как «колонии» или «падчерицы» России и содержащее в себе опыт, приобретенный

общественной элитой Сибири в условиях автократической системы. «Сибирофилы» полагали, что политический Центр откладывал важные реформы, призванные покончить с отсталостью Сибири в сравнении с центральными регионами империи.

По мнению областников, ущемление интересов региона проявилось, прежде всего, в нежелании правительства распространить на Сибирь земскую реформу; в проводимой государством переселенческой политике; и, наконец, в сохранявшейся экономической зависимости Сибири от Европейской России. Значение, которое в Сибири придавалось проблемам самоуправления, проявилось, в частности, в общественном движении, которое привело к выработке в течение 1905 г. в общей сложности 18 проектов о сибирском земстве, поданных общественными организациями или городскими думами

Таким образом, в представлении Ст. Штуха возможности региональной «идентификации» определялись, в первую очередь, общим стремлением местной интеллигенции уравнивать сибирскую окраину в правах с регионами Европейской России, тогда как географические особенности и культурно-этническое многообразие населения имели меньшее значение.

Канадский историк Норман Перейра отнес время возникновения «сибирского регионального сознания» ко второй половине 1850-х – 1860-м гг., увязав его с деятельностью молодых «сибирских патриотов», вдохновленных федералистскими теориями Н. И. Костомарова и А. П. Щапова¹⁷. Важными факторами, способствовавшими формированию сибирского регионального сознания, по мнению историка, являлись: проявления радикального сепаратизма (на раннем этапе истории областничества); получившее широкое распространение в образованном обществе представление об уникальности Сибири, ее праве на особый путь развития; концепция Н. М. Ядринцева о «колониальном» статусе Сибири в составе Российского государства; теория Г. Н. Потанина об особенностях природно-климатических условий Сибири, повлиявших на возникновение в Сибири нового этнографического типа русского населения.

Канадский исследователь утверждает, что для областников¹⁸ был характерен легистский (отождествляющий право и закон) подход к определению автономии, нацеленный на создание Сибирской Областной Думы, в компетенцию которой должно было входить распоряжение всеми землями региона, составляющими часть государственного фонда; решение вопросов, связанных с местным бюджетным правом, народным образованием и здравоохранением, путями сообщения и тарифами, переселенческим движением, промышленностью, сельским хозяйством и др.¹⁹

С появлением на рубеже веков в России политических партий вопрос сибирского регионализма подвергся более широкому обсуждению²⁰. Почти всеми силами политического спектра, и правыми, и левыми, акцент делался на роли государства как двигателя прогресса в российской истории (как замечает канадский историк, «в целом направление русской политической мысли было удивительно однообразным, если не сказать гегельянским»). Таким образом, централизаторская тенденция, характерная для подавляющего

¹⁷ *Pereira N.G.O. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // Canadian Slavonic Papers. 1988 (March). Vol. 30, № 1. P. 112–133.*

¹⁸ Н. Перейра подчеркивает, что под термином «областники» объединялись люди самых разных взглядов – автономисты, федералисты и даже сепаратисты.

¹⁹ Н. Перейра приводит перечень основных требований областников, ссылаясь на статью британского историка А. Вуда: 1) уничтожение системы ссылки; 2) упразднение внутренних таможенных барьеров; 3) развитие местной культуры и высшего образования; 4) организация помощи переселенцам; 5) улучшение условий жизни аборигенного населения. См.: *Wood A. Chernyshevskii, Siberian Exile and Oblastnichestvo // Russian Thought and Society, 1800–1917: Essays in Honour of Eugene Lampert / ed. by Roger Bartlett. Keele, 1984. P. 42–66.*

²⁰ *Pereira N.G.O. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // Canadian Slavonic Papers. – 1988 (March). Vol. 30, № 1. P. 116.*

большинства политических партий, входила в противоречие с автономистскими устремлениями областников²¹.

Как пишет Н. Перейра, Первая русская революция 1905–1907 гг. естественным образом стимулировала новый подъем областнического движения. В конце августа 1905 г. в Томске состоялся съезд Сибирского областного союза, на котором был принят программный документ («Основные положения Сибирского областного союза»), подчеркивавший право региона на самоуправление²². Многие участники съезда выражали озабоченность по поводу того, что областническое движение не имело широкой поддержки в народе, его главной опорой оставалась местная интеллигенция. Г. Н. Потанин признавал, что идея Сибирской Областной Думы была по-прежнему чужда сибирскому крестьянству, хотя П. М. Головачев настаивал, что почти все сибиряки были областниками по своей сути.

По мнению Н. Перейры, слабость областников была очевидна и правительству; революция не изменила баланс сил в регионе, который даже не был должным образом представлен в Государственной Думе. В период гражданской войны население Сибири окончательно утратило интерес к идеям областников, отдав предпочтение «милитаризованному этатизму», а само областничество оказалось «разорванным» в водовороте межпартийной борьбы.

Американский историк Д. Рэйнбоу, ученик Я. Коцониса, защитил в 2013 г. в Университете Нью-Йорка диссертацию на тему «Сибирские патриоты: партиципаторная автократия и Российское имперское государство, 1858–1920»²³. Работа Д. Рэйнбоу стала первым на Западе обобщающим исследованием, посвященным всему периоду существования областнического движения. Научными консультантами и рецензентами исследователя выступили известные историки – Дж. Бербэнк, Б. Грант, Н. Найт, А. В. Ремнев, М. Фон Хаген, М. Бассин, С. Маркс, У. Сандерланд и др. Исследование написано на основе широкого круга источников, в том числе архивных материалов, которые автор изучал в Санкт-Петербурге, Москве, Омске, Иркутске, Нью-Йорке, Стэнфорде.

В диссертации история «сибирского областничества» исследуется в контексте общественно-политического развития Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Автор следует, прежде всего, в русле историографии "новой имперской истории", которая, по его определению, пытается выйти за пределы телеологических рамок, присущих доминировавшему в течение долгого времени «национальному» подходу к изучению истории эпохи «модерна» («империи порождают нации»). По словам Д. Рэйнбоу, парадигма «новой имперской истории» позволяет лучше понять, как империи управляли сами собой, как люди их воспринимали, и какие имперские практики и опыт сохранялись и развивались с течением времени, даже в советский период.

Д. Рэйнбоу не склонен полагать, что крушение самодержавия было предопределено, солидаризируясь с теми исследователями, кто пишет о вполне успешном развитии российского общества в позднеимперский период. По мнению Д. Рэйнбоу, это происходило не вопреки государству, а во многом благодаря ему, поскольку монархия пыталась заручиться поддержкой населения, конкурируя с революционными группами, частными компаниями, региональными и национальными патриотическими движениями. Изменения в

²¹ В отличие от С. Уотруса, который считал, что эсеры находились под сильным влиянием областников, Н. Перейра полагает, что характерной чертой ПСР было отсутствие устойчивой политики в отношении сибирского областничества. В частности, отстаиваемый эсерами принцип социализации земли не соответствовал как собственническим наклонностям крестьянства, так и автономистским устремлениям части сибирского населения.

²² В монографии М. В. Шиловского отмечается, что содержащийся в «Основных положениях...» тезис о Сибири как нераздельной части России фактически нивелировал автономистскую направленность документа. См.: *Шиловский М. В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 158.

²³ *Rainbow D.* Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920. Ph.D. thesis. Department of History, New York University, 2013.

способах управления империей требовали все большего взаимодействия между государством и населением.

Для обозначения совокупности механизмов, с помощью которых самодержавное государство пыталось упрочить связи с населением и тем самым сохранить себя, американский историк использует термин «партиципаторная автократия». Одним из ее проявлений автор считает все большую зависимость самодержавного государства от помощи и участия экспертного сообщества в решении многих вопросов – научных, медицинских, этнографических, статистических, правовых и т. д. В свою очередь, экспертное сообщество делало возможным привлечение более широких слоев населения, хотя в условиях «партиципаторной автократии» монарх не отказывался от суверенной власти, а его легитимность никогда не зависела юридически от согласия его подданных. Д. Рэйнбоу показывает, что государство и социальные акторы могли сотрудничать, действовать совместно, преследуя при этом совершенно различные цели.

Основное внимание в диссертации уделяется проблеме взаимоотношений «областников» (сам Д. Рэйнбоу предпочитает называть их «сибирскими патриотами») с имперской властью в Сибири. Как отмечает автор, областники, отчасти вдохновленные колониальным опытом в обеих Америках, Индии и Австралии, трудились во имя «развития» и «прогресса» в Сибири, стремясь сделать ее более независимой от остальных частей империи. В течение рассматриваемого периода движение претерпело радикальную трансформацию: если в 1860-х гг. областников можно было охарактеризовать как «сепаратистов», то в 1918 г. они превратились в «государственников», боровшихся за территориальное единство империи в войне против большевиков.

Пытаясь объяснить эту трансформацию, Д. Рэйнбоу показывает, что критические высказывания «сибирских патриотов» в отношении империи с самого начала имели двойной смысл: сопротивляясь экспансии имперской власти, они в то же самое время требовали, чтобы империя создала условия, необходимые для сибирской автономии. Областники обращались к государству с просьбой о выработке и реализации «прогрессивной» политики, которая, по их мнению, должна была компенсировать последствия эксплуатации и пренебрежительного отношения к Сибири, демонстрируемого правительством на протяжении столетий.

Вообще, вслед за Ст. Штухом американский историк полагает, что в действительности представления об «особости» Сибири в большей степени явились следствием именно этого безразличия и небрежения со стороны властей, нежели результатом формирования специфической сибирской культуры и этнических процессов, как об этом писали областники²⁴. При этом Д. Рэйнбоу считает нецелесообразным характеризовать «сибирских патриотов» в терминах оппозиции и партийной политики, так как это не позволяет объяснить сотрудничество областников с государством и нежелание объединяться с любой из политических партий.

Зарождение такого сотрудничества автор усматривает уже в период следствия по делу «об отделении Сибири от России» (1865), когда «сепаратистов» обстоятельно расспрашивали о том, как, по их мнению, можно улучшить положение дел в Сибири. После ссылки областники сумели увлечь своими идеями местных администраторов; в первую очередь, это удалось сделать Н. М. Ядринцеву, которому покровительствовал генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Казнаков, поддержавший идею открытия университета в Томске. Далее Д. Рэйнбоу подробно рассматривает другие примеры взаимодействия власти и общества (в лице «сибирских патриотов»): участие областников в работе отделов ИРГО, организации и проведении статистических исследований (в частности, однодневной пере-

---

²⁴ Специальную главу диссертации Д. Рэйнбоу посвятил рассмотрению взглядов областников на проблемы этничности, национальности и расы. Д. Рэйнбоу полагает, что современным исследователям не следует игнорировать «расовые» концепции областников, поскольку их теоретические построения способствуют не разделению, а объединению разнородного населения региона.

писи в г. Омске в 1877 г.), обсуждение насущных проблем региона на страницах местных периодических изданий.

Наряду с «партиципаторной автократией» Д. Рэйнбоу исследует проблему «целостности империи». По словам историка, самодержавное государство преуспело в укреплении связей между имперским центром и населением Сибири, благодаря чему «целостность империи» с ее огромными азиатскими владениями удалось сохранить даже в период революций и гражданской войны. Д. Рэйнбоу приходит к выводу, что после 1917 г. Российское государство уже не было самодержавным, но, согласно распространенным в западной историографии представлениям, оставалось «имперским».

Таким образом, в работах англо- и немецкоязычных исследователей, в значительной мере усвоивших достижения отечественной историографии, а в последние десятилетия – активно работавших в российских архивах, рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с историей сибирского областничества (от зарождения идеологии течения и деятельности сибирских кружков в 1860-х гг. до активного участия областников в революционных событиях начала XX в.). Анализируя эволюцию общественно-политических воззрений областников (от более радикальных («сепаратистских») – в начале, до умеренно-либеральных – в конце рассматриваемого периода), западные исследователи опирались на теории «фронтиса» и «регионализма», «колонизации» и «колониализма», а также концепции, связанные с «культурным» и «пространственным поворотом» в исторической науке конца XX – начала XXI в.

Для зарубежных историков характерно представление о выдающейся роли, которую играло сибирское областничество в культурной и общественно-политической жизни региона. Признавая, что не все из поставленных областниками целей были достигнуты, западные исследователи все же убеждены, что изменения, происходившие в Сибири на рубеже XIX – XX вв. и способствовавшие ее вступлению на путь современного развития, были во многом заслугой и результатом деятельности «сибирских патриотов».

Список литературы

- Горюшкин Л. М.* Областники о хозяйственной самостоятельности Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Известия СО АН СССР. 1991. № 1. С. 37–44.
- Коваль С. Ф.* Характер общественного движения 60-х годов XIX века в Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг.: Сб. ст. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1967. С. 35–54.
- Разгон И. М.* Сибирское областничество в 1917 году // Программа и краткое содержание докладов объединенной научной сессии по вопросу «Предпосылки революции и установления советской власти в Сибири». Томск: Изд-во Томского ун-та, 1964. С. 61–65.
- Разгон И. М., Бабикова Е. Н.* Об эволюции сибирского областничества в 1917 году // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. С. 55–82.
- Сватиков Г. С.* Россия и Сибирь. (К истории сибирского областничества в XIX в.) Прага: Изд. общества сибиряков в ЧСР, 1929. 120 с.
- Сесюнина М. Г.* К вопросу о возникновении сибирского областничества // Труды Томского государственного университета. Томск, 1965. Т. 158. С. 20–36.
- Шиловский М. В.* Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х гг. XIX в. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1989. 144 с.
- Шиловский М. В.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Областники. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 136 с.
- Шиловский М. В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск: Сова, 2008. 270 с.
- Faust W.* Russlands Goldener Boden: Der sibirische Regionalismus in der zweiten Haelfte des 19 Jahrhunderts. Koeln; Wien, 1980. 683 s.
- Gerhard D.* Regionalismus und staendisches Wesen als ein Grundthema europaeischer Geschichte // Historische Zeitschrift. 1952. Bd. 174. S. 307–337.
- Gyhrke C.* Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte. Vorueberlegungen fuer eine kuenftige Untersuchung // Forschungen zur osteuropaeischen Geschichte. Berlin, 1978. Bd. 25. S. 75–107.
- Hanson G. A.* Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker: PhD thesis. University of Wisconsin, 1971. 716 p.

- Hanson G. A.* Siberian Regionalism in the 1860s. // *Topic 27* (1974): 62–75.
- Mohrenschildt D., von.* Shchapov: Exponent of Regionalism and the Federal School in Russian History // *The Russian Review* Vol. 37, No. 4 (Oct., 1978). P. 387–404.
- Mohrenschildt D., von.* Towards a United States of Russia: plans and projects of federal reconstruction of Russia in the nineteenth century. Rutherford; London; Toronto, 1981. 305p.
- Pereira N. G. O.* Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // *Canadian Slavonic Papers*. – 1988 (March). – Vol. 30, № 1. P. 112–133.
- Rainbow D.* Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920. Ph.D. thesis. Department of History, New York University, 2013. 404 p.
- Stuch S.* Regionalismus in Sibirienimfruehen 20 Jahrhundert. Koeln, 2003. 353 p.
- Stuch St.* Regionalismus in Sibirienimfruehen 20. Jahrhundert // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas, neue Folge*, Bd.51, H.4 (2003). S. 549–563.
- Wachendorf J.* Regionalismus, Raskol und Volk als Hauptprobleme der Russischen Geschichte bei A. P. Schchapov. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Universität zu Koeln, 1964. 216 p.
- Watrous S. D.* Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819–1894 : PhD. thesis. University of Washington. Seattle, 1970. 774 p.
- Watrous S. D.* Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture* / ed. by G. Dimant, Y. Slezkine. – New York, 1993. S. 113–132.
- Wood A.* Chernyshevskii, Siberian Exile and Oblastnichestvo // *Russian Thought and Society, 1800–1917: Essays in Honour of Eugene Lampert* / ed. by Roger Bartlett. – Keele, 1984. P. 42–66.

D. A. Anan'ev*
**Siberian Regionalism (1860s – Early XX century)
in the English- and German-language Historiography**

The article considers major works of foreign (American, Canadian and German) researchers of Siberian regionalism and evaluates their contribution to the study of this topic. It is established that foreign scholars (G. Hanson, D. von Mohrenschildt, N. Pereira etc.) have largely drawn their conclusions based on research findings from the works of Russian historians. In the last decades foreign scholars actively worked in the Russian archives. Having analyzed a wide range of issues associated with the history of Siberian regionalism the foreign researchers recognize an outstanding role played by the Siberian regionalists in the cultural and socio-political life of the region. While admitting that not all goals set by the regionalists were achieved, Western scholars still believe that "Siberian patriots" should be credited with transformations that enabled Siberia to embark on a path of modern development at the turn of the XIX - XX centuries.

Keywords: Siberian regionalists, G. N. Potanin, N. M. Yadrintsev, regionalism, regional consciousness, regional identity.

Статья поступила в редакцию 20.08.2018

---

* **Anan'ev Denis A.** – Candidate of Sciences (History), senior researcher, Institute of History of the Siberian Branch of RAS. E-mail: denis.ananyev@history.nsc.ru